

Введение

Вопрос о богослужебном языке Русской Церкви с начала 90-х годов XX века является актуальнейшим и, одновременно, наиболее болезненным вопросом современной жизни. О неудовлетворительном понимании используемого ныне нашей Церковью церковнославянского языка основной массой наших прихожан и о возможности (или даже желательности) совершения православного богослужения на русском языке было сказано и написано в последние 10-15 лет много. Эта тема является и сегодня одной из самых острых и дискутируемых в церковной среде.

Такое пристальное внимание церковной общественности привлекает к себе этот вопрос не впервые в истории нашей Церкви. Еще сто лет назад, на начальном этапе подготовки к Всероссийскому Поместному Собору 1917-1918 годов «из всех литургических проблем, которые обсуждались в предсоборный период, наибольшее внимание привлекал вопрос о недоступности для молящихся текста наших богослужебных книг. На эту тему больше всего писали и чаще всего спорили на разного рода церковных собраниях. Почти все признавали, что те или иные перемены в наших богослужебных книгах необходимы. Лишь изредка раздавались голоса сторонников сохранения их в неприкосновенном виде» (4,с.23).

Активно обсуждался этот вопрос и на Поместном Соборе 1917-1918 годов, в ходе работы которого был выработан соответствующий проект решения по нему. К сожалению, гонения, обрушившиеся на нашу Церковь еще до окончания работы Собора, не позволили тогда нашей Церкви естественным образом, безболезненно прийти к наметившемуся практическому разрешению проблемы богослужебного языка.

В новой политической ситуации у Церкви возникло множество иных проблем. А вскоре и сама идея реформ была скомпрометирована на многие десятки лет вперед антицерковным движением обновленчества, некоторые представители которого активно спекулировали на ней. С тех пор и «утвердилась стереотипная ассоциация обновления церковной жизни и всяческих изменений в ней (в том числе и литургических) с «обновленчеством», то есть расколом, предательством и изменой» (4,с.6. Выделено автором. - Ш.В.).

Вот и сегодня особую, и отнюдь не плодотворную, напряженность дискуссии о богослужебном языке придают многочисленные и совершенно никак не обоснованные обвинения в «обновленчестве», или так называемом «неообновленчестве», тех, кто предпринимает активные попытки обсуждения этого чрезвычайно актуального вопроса, как впрочем, и других литургических проблем. А об особой актуальности подобных вопросов вполне определенно высказался архиерейский Собор Русской Церкви 1994 года: «Собор считает исключительно важным глубокое изучение вопроса о возрождении миссионерского воздействия православного богослужения. В связи с тем, что развитие литургической жизни в нашей Церкви практически остановилось в первые послереволюционные годы, а большинство жителей наших стран безвозвратно утратило традиционную для прошлых веков культуру, представляется необходимым сделать более доступными их пониманию смысл священнодействий и богослужебных текстов, хранящих в себе величайшую боговдохновенную мудрость и могущих быть действенными средствами православного образования и воспитания» (2,с.176).

К сожалению, многие свидетели и участники современной дискуссии о богослужебном языке «из-за прерванной культурной традиции часто не подозревают о том, что споры о возможности и необходимости перевода богослужебных текстов на русский язык не умолкают уже более ста лет» (28,с.62). Это порождает ложное представление о том, что действительно острый вопрос о

богослужебном языке навязывается современному церковному сознанию искусственно и как бы извне, а не диктуется реальными потребностями и нуждами самой Церкви, ощущаемыми ею уже довольно продолжительное время.

Другим довольно распространенным и серьезным заблуждением является упомянутое уже выше отождествление каких бы то ни было попыток литургических реформ, и в частности реформы богослужебного языка, с возрождением обновленчества, преодоленного Церковью в первой половине XX века. Согласно этому ошибочному отождествлению, суть обновленчества 1920-х годов неверно усматривается именно в реформах и, вероятно, в реформах именно литургических. По отношению к современным попыткам привлечь внимание к вопросу о необходимости обновления нашего богослужения теперь некорректно употребляется еще слово «неообновленчество», что также выявляет отсутствие четкого представления о том, что изначально определялось как «обновленчество» или «неообновленчество».

Особый интерес представляют для нас суждения о богослужебном языке и об исправлении богослужебных книг, содержащиеся в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», опубликованных впервые в 1906 году(25). Автор при работе пользовался также тематически подобранными выдержками из «Отзывов» как опубликованными в 1906 году (38), так и перепечатанными в современных работах на эту тему (4,с.24-31;6,с.319-336;17,с.101-105;41,с.50-51).

Чрезвычайно важным источником являются, несомненно, и материалы Предсоборного совета и богослужебного отдела Поместного Собора 1917-1918гг.

Эти документы в значительной части уже опубликованы и прокомментированы в целом ряде работ (см. 4;6;17;18;39). Вполне объективно и, на наш взгляд, в высшей степени полно отражена дискуссия о богослужебном языке начала XX века в книге протоиерея Николая Балашова «На пути к литургическому возрождению»(4).Ее автор скрупулезно изучил и представил историю развития вопроса с момента его постановки в «Отзывах епархиальных архиереев»(1905г.) вплоть до вынесения соборного постановления по нему и попыток практической реализации этого постановления после Собора 1917-1918 гг. Эта книга является одним из основных источников, использованных автором при написании данной работы.

Что касается «обновленческого фактора» в истории проблемы, то можно указать здесь, например, на статьи А.Г. Кравецкого (18) и вышеназванного В. Котта (15; 16), где, по нашему мнению, вполне объективно оценивается роль обновленчества в развитии вопроса о богослужебном языке. Такое наше мнение подтверждалось и при изучении обновленчества по историческим источникам.

В советский период истории Русской Церкви открытое обсуждение каких бы то ни было вопросов, касающихся приближения богослужения к пониманию верующих и активизации осознанного участия в нем мирян, было невозможно. Тем не менее интерес к таким вопросам, как мы увидим, не иссякал и в эти годы.

Наконец в начале 1990-х годов, после того как наша Церковь получила возможность свободно действовать и открыто обсуждать свои насущные

проблемы, вопрос о богослужебном языке, как давно уже настоятельно требующий от Церкви своего практического разрешения, с новой силой зазвучал в церковной среде. Более того, он приобрел еще и особую, отмеченную Архиерейским Собором 1994 года, миссионерскую важность в связи с обретенной Церковью возможностью свободного свидетельства о Христе современному российскому обществу, безвозвратно утратившему культурное преемство от дореволюционной России. Теперь этот вопрос активно дискутируется, ему посвящаются даже целые конференции, а в церковной печати можно встретить множество публикаций на эту тему.

Иногда создается впечатление, что дискуссия о богослужебном языке сегодня вторично находится на том же этапе развития, который она преодолевала в самом начале XX века. Сторонниками обновления богослужебного языка, как и их оппонентами, высказываются те же аргументы, что и сотню лет назад. Настолько жива и актуальна эта проблема сегодня. Для возможно скорейшего преодоления ее, думается нам, и необходимо знать, как развивалась эта дискуссия дальше, какие пути разрешения этой проблемы уже были указаны Поместным Собором Русской Церкви 1917-1918 гг.

Глава 1. Предыстория

Со времен крещения Руси в X веке паства нашей Церкви, по словам нашего выдающегося церковного историка Е.Е. Голубинского (+1912), «имела то решительное преимущество перед массою христиан западных, что слушала богослужение не на чужом непонятном языке, а на своем собственном, причем должна быть впрочем сделана некоторая и даже значительная оговорка. Нашим богослужебным языком был не наш собственный русский язык, а язык болгарский. Правда, что он был весьма близок к русскому, но полагать и утверждать, чтобы он мог быть понятен столько же, как самый русский, значит то же, что полагать и утверждать, будто в настоящее время простой народ столько же понимает язык богослужения, сколько свой собственный разговорный...» (10, с.740). Действительно, несмотря на то, что первые опыты перевода богослужения с греческого на славянский связаны с именами святых братьев Кирилла и Мефодия, в нашем богослужении осталось совсем не много текстов, которые восходят непосредственно к равноапостольным братьям. Большая часть молитвословий нашего богослужения была переведена их продолжателями в Болгарии в эпоху царя Симеона. Да и вообще с самого начала своего существования церковнославянский язык не был живым, разговорным языком какого-либо из тогдашних славянских народов. Он был искусственно создан на основе разных славянских диалектов, «специально предназначенный для переводов греческой церковной книжности. Грамматика и лексика церковнославянского в ряде моментов отражают строй греческого языка, поэтому вряд ли можно говорить о том, что в X веке славянское богослужение было более понятным, чем сейчас», - пишет филолог А. А. Плетнева (28, с.67). Церковнославянский язык создавался и жил только как язык переводный, - как перевод оригинальных греческих текстов, причем перевод буквальный, подстрочный. В момент создания греками церковнославянского языка, то есть перевода священных книг на славянский (болгарский) язык, этот последний «был языком если не дикарей, то варваров, представлявшим огромные трудности для передачи "тонкословия греческого"» (45, с.6). Эти трудности, методы их преодоления и последствия такой работы переводчиков Г.П. Федотов описывает следующим образом: «Всякий переводчик библии на язык первобытного народа, в сущности, не переводит, т.е. не вкладывает новое содержание в готовые формы языка, а заново создает язык, заново чеканит из скудных наличных элементов множество новых слов для выражения отсутствующих в языке идей и даже ломает грамматические формы старого языка ради более точного, т.е. буквального соответствия слову Священного Писания. Этот буквализм в славянских переводах пошел так далеко, что новый церковнославянский язык оказался чисто греческим в своем синтаксисе, наполовину греческим - в семантике, т.е. в значении слов, и в сильной степени отреченным в сложных словообразованиях. От славянского осталась только - и то не вполне - этимология, да первичный словарный материал болгарского македонского наречия.

Так составленный язык с самого начала был и остался языком искусственным, ни вполне живым, ни вполне мертвым. Он никогда не был совершенно понятен для народа, но никогда не был и совершенно непонятен... На этом языке никогда никто не говорил, и уж конечно не думал». «Люди церковного мира, - считает Г.П. Федотов, - говорили между собой по-русски, с примесью славянизмов, как говорят и теперь», а церковнославянский, «оставаясь языком богослужебным, проповедническим и в широком смысле слова дидактическим, ... не был ни языком мысли, ни языком поэзии» (45, с.6-7).

Такая языковая ситуация описывается в языковедческих категориях как диглоссия, т.е. сосуществование двух пластов одного языка (высокого, торжественного и низкого, народного), или билингвизм -

параллельное функционирование двух различных языков в пределах одной культуры (как это представляет процитированный выше академик Голубинский). Соотношение русского и церковнославянского было в разное время не одинаковым, но для нас важно то, что само это явление билингвизма, или диглоссии, всегда имело место в истории. Как заметил известный лингвист Борис Успенский, «в процессе исторического развития на разных этапах эволюции оба понятия - "церковнославянское" и "русское" - существенно меняли свое содержание. Тем не менее, сама оппозиция церковнославянского и русского оставалась и на каждом этапе она отчетливо осознавалась коллективным языковым сознанием» (цит. по:15,с.34).

Здесь нам кажется вполне уместным сделать одно очень важное замечание. Вся проблема богослужебного языка нашей Церкви включает в себя две составляющих:

а) вопрос о качестве и доступности пониманию церковнославянского перевода употребляемых богослужебных книг и их исправлении;

б) вопрос о русском языке, как возможном языке богослужения. Коснемся сперва второго из указанных аспектов. «Почему же не были

сразу переведены нами богослужебные книги на наш собственный русский язык?» - спрашивает в своем очерке истории русского богослужебного языка В.К. Котт(15.с.34). И отвечает: «Выдающийся историк Евгений Голубинский был уверен, что причина этого - "прежде всего, наша косность; затем, другою и действительной причиной должно быть считаемо то, что наш язык, дотоле весьма мало письменный, не был обработан и приготовлен для письмени и что таким образом переложение на него представляло бы большой труд, требовавший борьбы с ним и его организации".

Можно назвать и еще одну причину - отсутствие в Киевской Руси классического гуманитарного образования в систематических формах, делавшее невозможными ни адекватный перевод, ни понимание греческих богослужебных и догматических текстов. Эти необходимые условия начинают появляться только в начале XVI в. -с 1518г., когда на Московскую Русь приезжает Максим Грек, с него и берет начало книжная справа, основанная на грамматике. Но окончательно о наличии этих условий на Руси можно говорить лишь со второй половины XVIII в.» (15,с. 34).

Можно, в конце концов, для ответа на поставленный выше вопрос, даже предположить, что, несмотря на всю свою искусственность и несвойственную для славян, греческую в основе своей структуру построения речи, церковнославянский язык был все же более доступен пониманию наших далеких предков, чем теперь нам. Однако, как бы там ни было, позже все-таки предпринимались попытки использования для перевода богослужебных текстов русского языка. Можно даже говорить, что на определенном историческом этапе сложилась традиция таких русских богослужебных переводов. Но это будет рассмотрено нами в свое время.

Развитие книжной sprawy на Руси

Что же касается именно церковнославянского языка, используемого в богослужении, как языка переводного (языка-перевода), не-разговорного и в этом смысле не-живого, то здесь изначально, как мы считаем, вся суть проблемы заключается в качестве (или некачественности) церковнославянского перевода оригинальных греческих литургических текстов, богослужебных книг. Иными словами, если можно так выразиться, насколько качественно выполнен церковнославянский перевод греческих текстов богослужения, настолько и «правилен» этот церковнославянский язык. Здесь следует заметить кое-что о церковнославянском языке. А именно: «хотя он близко и рабски следует греческим оригиналам, он далеко не полно передает их силу. Часто темнота перевода губит изящество словесной ткани, отяжеляет без нужды легкий полет греческого гимна»(45,с.10). Да и целый ряд весьма существенных ошибок и

неясностей был с самого начала присущ даже самым древним церковнославянским переводам. В процессе многократного переписывания книг эти ошибки в переводах, естественно, повторялись и распространялись. Кроме того, не всегда внимательными или недостаточно грамотными переписчиками допускались и новые ошибки, которые, также распространяясь, с течением времени получали свое «узаконение». Таким образом, тексты переводов все более искажались, отдаляясь от греческих оригиналов.

Исправление богослужебных книг до патриарха Никона

Хорошее известно, что исправление богослужебных книг на Руси - явление давнее и традиционное. Русские справщики занимались этим испокон веку. Однако древние справщики за неимением достойных образцов для сверки или из-за недостаточного знания греческого языка нередко сами неосознанно способствовали «порче» книг. Более того, иногда справщики вносили прямо в текст казавшиеся им полезными разъяснения, толкования, а то и вовсе добавляли свои умствования. Этот процесс в меньшей степени коснулся Св. Писания, но богослужебные книги подверглись ему в такой степени, что ко времени книгопечатания обнаружилось не просто разночтения, но множество, как тогда говорили, «прилогов» - самочинных вставок и «поправок», чаще всего призванных узаконить то или иное изменение в чинопоследовании или церковном уставе. Разночтения в славянских богослужебных книгах были столь велики, что уже в XV-XVI веках не было единообразия в богослужении. Это вызвало в свою очередь бесконечные споры («стязания»).

Для исправления церковнославянских книг по греческим образцам в 1518 г. в Москву прибыл преп. Максим Грек (+1556). В наших богослужебных книгах уже того времени он обнаружил не только грамматические ошибки, но и следы множества ересей, а потому считал их не погрешностями, но хулой и растлением.

Резко критиковавший наши книги и делавший новые церковнославянские переводы с греческих образцов преп. Максим, как известно, именно за это и был не только отстранен от книжной sprawy, но сам обвинен в ереси антигреческой партией русских справщиков. Его переводы были объявлены новой порчею книг, а сам он был оклеветан и провел около 20-ти лет в тюрьме, будучи до конца дней своих лишен св. Причастия.

Такой же печальной участи подвергся в XVII в. архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Дионисий, сличавший русские богослужебные книги с греческими. Преп. Дионисий и его сотрудники пересмотрели многие русские богослужебные книги и во всех них обнаружили множество ошибок и искажений в сравнении с греческими. В результате же, за использование именно греческих образцов, а не славянских «добрых переводов», представителями «старорусской партии» (сторонниками sprawy по славянским образцам) преп. Дионисий был отлучен от Церкви на Соборе 1618 года.

Следует подчеркнуть, что сама необходимость исправления церковнославянских богослужебных книг, безусловно, признавалась в это время всеми. Но одни справедливо считали, что их надо исправлять по греческим образцам, потому что с них в свое время и были сделаны древние переводы (препп. Максим и Дионисий), другие отвергали такую возможность и настаивали на беспорочности русских «добрых образцов» (антигреческая, старорусская партия ревнителей «древнего благочестия»). Борьба этих «партий» доходила, как мы видим, до крайностей, но это лишь выявляет ставшие к тому времени уже традиционными для Русской Церкви «заботы об улучшении богослужебного текста», которые «выражались в многократном, можно сказать, почти непрерывном исправлении текста московскими справщиками - монастырскими старцами и протопопами в XVI и XVII веках» (41, с.25).

Реформа патриарха Никона и дальнейшая судьба sprawy Введение на Руси в XVI веке книгопечатания воспринималось, видимо, и как мера, способствующая унификации богослужебных книг и прекращению

дальнейшей их «порчи». «Через печатание книг надеялись достигнуть разом двух целей: во-первых, уничтожить разнообразие богослужебных книг и ввести во все церкви книги одинаковые, а во-вторых, предотвратить дальнейшую порчу книг, дальнейшие ошибки писцов», - писал митрополит Макарий (Булгаков)(+1882) (21,Т.IV,с.56). Однако «ни одна из целей не была выполнена до патриарха Никона. Исправление книг шло непрерывно и до него. При каждом патриархе издавались "новопечатные" книги иногда с существенными исправлениями и опасными новизнами, но при этом богослужение шло, как по "старопечатным", так и по новым, то есть об однообразии в богослужении приходилось по-прежнему только мечтать. С каждым поколением авторитет и законность этих новизн все более укреплялись в сознании верующих» (6,с.23).

Патриарх Никон, пытаясь положить конец «порче» книг и избавиться от накопившихся за века ошибок, «новизн» и «прилогов» в богослужебных книгах, единственным способом для достижения этого справедливо считал обращение к первоисточнику, то есть к греческим богослужебным книгам. Для этого в Москву специально были привезены с Афона в изобилии греческие рукописи. Патриарх Никон только начал дело систематического исправления богослужебных книг по греческим образцам. Это исправление продолжалось около 70-ти лет после него, прекратившись вместе с упразднением патриаршества.

Каковы же результаты столь радикальных мер патриарха Никона? Для ответа на этот вопрос обратимся к крупнейшему историку русской книжной sprawy Б.И. Сове: «беспристрастный анализ новоисправленных книг, которыми Русская Церковь и славянские балканские Церкви пользуются до сего дня, сравнительное изучение их с греческими и старопечатными книгами, последние работы русских историков и литургистов в начале XX века установили новые факты... и показали дефекты sprawy. Никоновские справщики и их преемники, выяснилось, не пользовались греческими "харатейными" книгами... Привезенные в большом количестве для справщиков с Афона Арсением Сухановым греческие рукописи не были ими использованы, обогатив лишь Московскую Патриаршую (Синодальную) библиотеку. Навряд ли справщики и могли бы справиться со сложными текстуальными проблемами греческого рукописного наследия со множеством вариантов и разными редакциями чинов. Справщики разрешали задачу более просто, пользуясь печатными книгами, большей частью юго-западной печати» (41,с.25).

Что касается дальнейшей судьбы русской книжной sprawy, то Б.И. Сове пишет: «Трагическое явление старообрядческого раскола, возникшего в связи с исправлением богослужебных книг при патриархе Никона, настолько потрясло Русскую Церковь и запугало церковную власть, что с конца XVII в. прекращаются ее заботы об улучшении богослужебного текста... Прекращение sprawy в конце XVII в. создало неподвижность текста богослужебных книг... Общеизвестные недостатки богослужебных книг, оставленных нам справщиками второй половины XVII в., и необходимость их исправления почти не интересовали русскую церковную иерархию в XVIII в. и первой половине XIX в. или же в лучшем случае в силу общего церковно-политического курса (например, в протасовскую эпоху) не встречали с ее стороны никакого другого к себе отношения, кроме вынужденного молчания» (41,с.25,27,31). «Усвоенная церковной властью и односторонне понятая обязанность прежде всего охранять неприкосновенность церковно-богослужебных книг заставила ее довольно равнодушно относиться к вопросу, насколько понятен для верующих самый текст» - писал А. Котович (цит. по:41,с.31).

«Конечно, могут быть указаны некоторые факты заботы Св. Синода о богослужебном тексте, - продолжает Б.И. Сове, - но они имели весьма второстепенное значение»(41,с. 31). Возникает вопрос, насколько же «правилен» употребляемый нашей Церковью в богослужении славянский язык, то есть насколько качественным церковнославянским переводом греческих богослужебных книг мы пользуемся? Но этот вопрос мы вынуждены оставить без ответа. Объективно ответить на него могут, наверное, филологи. Мы же только констатируем: и к началу XIX века церковнославянский перевод богослужебных книг оставался неудовлетворительным. «Главным печальным недостатком оставленных нам справщиками XVII века богослужебных книг является не всегда удовлетворительный перевод греческих текстов, иногда ошибочный, иногда весьма темный, неудобопонимаемый» (41,с.29). А ведь это

при всем том, что «главное достоинство новопечатных книг, как принято называть книги, напечатанные после 1654 г., и которыми мы пользуемся до сих пор, состоит в том, что они очищены от весьма существенных погрешностей и прилогов»

Развитие «русского богослужебного» языка Теперь вернемся к затронутому уже нами вопросу русского языка как богослужебного, то есть используемого для переводов богослужебных текстов. Несмотря на то, что «для нашей Церкви, изначала в готовом виде воспринявшей Священное Писание, богослужебные и святоотеческие тексты в болгарских (церковнославянских) переводах, более привычны были правка и подновление, замена непонятных слов и речений, нежели парафразирование или перевод» (15,с.35), оба эти последние явления тоже имели место в истории русской церковной книжности.

Что касается опытов русского богослужебного перевода на раннем историческом этапе, то академик Голубинский отмечал, что «частные попытки в этом роде, несомненно, бывали. Таковую частную попытку перевода на чистый русский язык, например, представляет собою так называемое Галичское, или Крылосское, Евангелие 1144г.» (цит. по:15,с.35).

Кроме того существовало и развивалось парафразирование, «например известен канон на Рождество Христово в Минее рубежа XII-XIII вв. и парафраз минейной службы, сделанный справщиком и переводчиком, чудовским иноком

Евфимием в конце XVII в. Прелатологи используют славянский язык и для облегчения понимания пересказывают текст своими словами, не придерживаясь буквы греческого текста»(15,с.35).

Дальнейшее развитие так называемого русского богослужебного языка неплохо излагает в своем «очерке истории русского богослужебного языка» В. Котт (15). Дадим здесь ему слово как исследователю, специально изучавшему этот вопрос.

«Ко времени начала книгопечатания Киевская и Московская Русь были разъединены и государственно (первая была под властью Польско-Литовского государства), и церковно-административно (в Киеве и Москве были свои самостоятельные митрополиты), и до некоторой степени культурно. Все это сказалось и на книжности, и на переводческой деятельности, которая началась раньше на Юго-Западной Руси.

С XVI в. там появляются переводы Писания, причем некоторые из них сделаны непосредственно с церковнославянского текста; так, например, Пересопницкое Евангелие было переведено в 1556-1561 гг. "из языка болгарского на мову русскую", т.е. с церковнославянского на "простую мову"-книжный язык, возникший на основе государственно-канцелярского языка Юго-Западной Руси во второй половине XVI в. Тогда же там стали издавать параллельные тексты на церковнославянском и на "простой мове", а во второй половине XVII в. "простой" язык вытесняет церковнославянский из книжности и серьезно конкурирует с ним и в богослужении.

Вдохновителем дела переводов стал Киевский митрополит Петр Могила, именем которого обозначают целую эпоху в истории Западно-русской Церкви и культуры, со своими подвижниками.

Так, в Киево-Печерской лавре в то время переводят для использования в богослужении некоторые церковные молитвы и определенные части богослужебных книг. В постной триоди 1627г. синаксари переведены иг. Тарасием Земкой на "росийскую беседу общую" ("сотворися се ревностью и желанием рода нашего, Малой России благородных, гражданских и прочих различного причта людей, не учившихся словенского языка"); в Требнике 1646 г. есть целые такие разделы, там даются даже особые указания об использовании простой мовы в некоторых частях богослужения.

Тогда же начинается дискуссия о языке богослужения. Известный униатский архиепископ Иосафат (Кунцевич) призывал свое духовенство не служить на простой мове (молитвы, ектеньи), допуская лишь чтение поучений за богослужением на этом языке.

Книги юго-западной печати с использованием "русской мовы" хранились и использовались, как дониконовские, и у старообрядцев.

Во второй половине XVII в. начинается массовое проникновение юго-западнорусской культуры, в том числе и книжности, и на великорусские земли. Непосредственным образцом для Славяно-греко-латинской академии становится Киево-Могилянская академия. Но не забудем, что еще в 1630-х годах в челобитной патриарху Иоасафу I нижегородское духовенство требовало устранить неисправность богослужения (как одну из причин нравственного упадка в народе), а в конце XVII века уже входит в употребление т.н. "гибридный" церковнославянский язык с близкими к современному синтаксисом и лексикой: в 1683 г. Авраамием Фирсовым на него была переведена Псалтырь.

Церковная традиция переводов священных, в том числе богослужебных, книг на русский язык возникла во второй половине XVIII в., в контексте резко изменившейся с правлением Петра языковой ситуации. Рождается гражданская азбука, а потом и новый язык, как синтез церковнославянского и живого русского, - "славенороссийский", русский литературный язык. Именно тогда язык Священного Писания, богослужения и проповеди, святоотеческих и душеполезных книг, богословия и богословского образования окончательно перестал удовлетворять церковным нуждам, и в первую очередь - пастырской заботе о просвещении народа. Не случайно все прославленные Церковью архиереи XVIII - XIX вв. занимались переводами. Петр же провел и унификацию книг: киевские книги должны были быть приведены в соответствие с книгами московской печати.

Во второй половине XVIII в. переход с церковнославянского на русский постепенно распространяется на все жанры духовной литературы, начиная с проповеди. Начали переходить на русский в проповеди еп. Псковский Гедеон (Криновский) (+1763) и продолжатели его дела митрополиты Московский Платон (Левшин) (+1812) и Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) (+1801). В то же время свт. Тихон Задонский (+1783) издает душеполезную литературу на русском языке. Он же считал необходимым "перевести Новый Завет с греческого языка на нынешний стиль, дабы простолюдинам было внятно, и чтобы для полезного чтения многих выпечатано было на одной стороне, как ныне есть, славянски, а на другой - внятном переводом".

Митрополит Платон, более всех потрудившийся в становлении русского церковного языка, пишет и издает в 1765 г. "Православное учение" на русском языке, в 1766г.- перевод бесед Иоанна Златоуста на книгу Бытия. "В переводе не употребили мы совсем славенский язык, дабы перевод наш не показался многим темен и невразумителен...". Язык перевода следует образцу, утвержденному в светской литературе Тредиаковским и Ломоносовым. В предисловии высказывается пожелание, чтобы беседы читались в храмах Великим постом.... В 1775 г. выходит "Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни", значительная часть которых принадлежит самому митр. Платону. Эти поучения должны были читаться во всех храмах. В предисловии к изданию, написанном от лица Синода, объясняется недостаточность старых изданий, потому что они "...в некоторых местах темны, переводом не зело добрым затруднены, которую темноту умножает и слог славенского языка: и потому не токмо простому народу, но иногда и ученым невразумительны, или когда несколько и понятно, но по слогу древнему и неясности ... не зело усладительны и побудительны ..." В 1782 г. появляется агиографическая литература на русском языке: митр. Платон составляет и издает житие преп. Сергия.

В становлении русского богослужебного языка было две струи - стихотворные переводы и переложения псалмов и молитв (что имело свои корни еще в виршевом творчестве XVII в.) и переводы богослужебных текстов для церковного или домашнего употребления. Первый перевод (из-за "невразумительности") на

русский литературный язык богослужебных текстов (ирмосы и степенны) был опубликован в 1776 г. в "Церковном словаре" (первом церковнославянском словаре) катехизатора Московского университета, академика, протопресвитера Архангельского собора Петра Алексева.

Ректор МДА архим. Мефодий (Смирнов), впоследствии архиепископ Псковский (+1815), в 1794 г. опубликовал свой перевод: первую новозаветную книгу на русском языке - Послание к римлянам апостола Павла.

В это же время протекала очень важная для Церкви переводческая и текстологическая работа преп. Паисия Величковского и его учеников, заново открывших жизненную необходимость руководиться Евангелием и Преданием, для чего постоянно необходимы новые и лучшие переводы»(15,с.35-38. Выделено везде мною. - Ш.В.) Какие предварительные выводы можно сделать на основании всего вышеизложенного?

- Переводы Священных и богослужебных книг на живой русский язык («простую мову», «российскую беседу», «славенороссийский») делались у нас на

Руси, как мы убедились, издревле. Преследовались при этом вполне разумные и понятные цели: «дабы простолюдинам было внятно...»,

«для полезного чтения многих...», «дабы перевод не показался многим темен и невразумителен...».

- Этот живой русский язык («простой») постепенно проникал и в богослужение. Он оказывал влияние на церковнославянский язык

(русификация церковнославянского - естественный языковой процесс в рамках славянского языка русского извода) и серьезно конкурировал с

ним, а то и вытеснял (из проповеди, например).

- В середине XVII века в Юго-Западной Руси имела свое начало дискуссия о богослужебном языке.

- К началу XIX века уже возникла церковная традиция переводов Священных и богослужебных текстов на русский язык, которая окончательно сложится в XIX веке.

Глава 2. XIX век. Традиция русских богослужебных и библейских переводов

Выше мы отметили, что традиция книжной справки в России по указанным причинам надолго приостановилась в своем развитии с конца XVII века. Однако не исключено, что в прямой связи с этим в этот же период (в конце XVIII и особенно в XIX вв.) получила более интенсивное развитие традиция русских переводов текстов Св. Писания и богослужения, к рассмотрению которой мы теперь и перейдем.

В Высочайшем повелении 1816 года князю Голицыну было указано: «... доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия...». Цель перевода Св. Писания на русский язык, как указано в том же повелении, состоит в том, что он «снимает печать невразумительного наречия, заграждавшую донныне от многих из россиян Евангелие Иисусово»(46,с.154). Даже тогдашние противники новых веяний уже отмечали непонимание церковнославянского языка современниками. Так, митр. Серафим (Глаголевский) соглашался с тем, что «малые дети » не знакомы «вовсе со славянским языком»(46,с.164). И если представители высших кругов общества выходили из положения (император читал Новый Завет во французском переводе, а Сперанский советовал своей дочери в трудных случаях обращаться к английскому переводу (46,с.154,162)), то простому и необразованному народу деваться было некуда - непонимание им

церковнославянского языка Библии и православного богослужения остро ощущалось уже тогда. Об этом свидетельствуют, например, письма прославленного алтайского миссионера, человека, имеющего непосредственное отношение к опытам перевода Библии на русский язык и немало за это пострадавшего, преподобного Макария (Глухарева) (+1847). В своем письме из Бийска от 8 июня 1836 года обер-прокурору Святейшего Синода Нечаеву с просьбой доложить государю преп. Макарий писал: «Не поставляет ли препятствия для миллионов между россиянами к Божественному врачевству буква славянская. Не надлежит ли нам быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа?.. Славянское наречие сделалось у нас не только мертвым, но и для большей части народа невразумительным» (цит. по: 8,с.126-127).

В 1837 г. преподобный писал в своем прошении Государю: «Ныне славянский язык сделался у нас мертвым; на нем никто не говорит у нас и не пишет; число людей, понимающих его в Св. Писании, мало перед миллионами неразумяющих, среди которых большое количество служителей Церкви» (цит. по: 8,с.127).

«Главным же основоположником и ведущим строителем русской церковно-переводческой деятельности в описываемый период, добившимся их признания церковным народом и подготовившим и саму реформу церковного языка, и церковное сознание к ней, стал выдающийся ученик митр. Платона свт. Филарет Московский» (15,с.39). Во многом именно его трудами в XIX веке был осуществлен перевод Св.Писания на русский язык.

«Сейчас даже трудно представить, что было время, когда для многих русская Библия была делом немыслимым и невозможным», - пишет филолог А.А. Плетнева (28,с.62). Однако действительно, дело перевода Библии на русский язык и его издания в начале XIX в., как известно, было сопряжено с огромными трудностями и неприятностями для свт. Филарета и его сподвижников.

Мы не можем в рамках настоящей работы пускаться в описание всех перипетий, сопутствовавших истории перевода и издания русской Библии. Появление ее в России в XIX веке - это целое событие в истории Русской Церкви. Тема эта заслуживает отдельного исследования. Для нас более важно попытаться выявить отношение митр. Филарета к проблеме языка Церкви в целом и, в частности, взгляды этого видного церковного деятеля XIX века на проблему церковнославянского языка Св. Писания и богослужения.

Показательными в этом отношении представляются нам слова свт. Филарета из его послания по поводу греко-болгарской распри ушедшему на покой Константинопольскому патриарху в 1840 году: «Достоин молитв ваших, чтобы народ ... был умиротворен и охранен в православии предоставлением ему довольной свободы иметь пастырей и учителей удобно понимаемых, слушать богослужение на понятном языке и обучать детей на природном языке» (цит. по:15,с.39. выделено мною.- Ш.В.).

Приведем еще несколько характерных высказываний свт. Филарета: «Святой апостол Павел учит, что не в словах Царство Божие, но в силе (1Кор.4,20); не станем без нужды возбуждать разделяющие прекословия о разностях слов, когда они ведут к единой силе Царства Божия» (цит. по: 15,с.39). Касательно русского перевода Св. Писания: «Величие Св. Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности... Тщательно наблюдать должно дух речи, дабы разговор перелагать слогом разговорным, повествование повествовательным, и так далее...»(цит. по: 46,с.155). И еще: «Текст псалма приводится на русском; на что дразнить без нужды людей, когда сего не хотят? Разве не довольно, что Московская духовная академия была оклеветана в нововведении сего рода? Разве надобно давать оружие клятве?» (цит. по: 15,с.39).

В отношении же противников перевода Библии на русский язык, таких как адмирал Шишков, который «отрицал самое существование русского языка», русский библейский перевод считал «перекладкою Слова Божия с наречия высокого и важного на этот низкий стиль, на этот язык театра и страстей», который «возражал и против перевода на другие языки» и, вообще, «самая мысль о переводе Библии» которому «представлялась злейшей ересью» (46,с.161-163) святитель Филарет с горечью писал: «Восстание против ... перевода Св. Книг образовали люди, водимые личными видами...»(46,с. 159). «Дым ест глаза, а они говорят: так едок солнечный свет. Задыхаются от дыма, и с трудом выговаривают: как вредна вода от источника жизни...», - говорил он же(46,с.171).

«Свт. Филарет, как и многие другие русские архиереи, признавал небрежение к проблеме переводов церковных книг грозящим скорбями и очень опасными для Церкви. Он знал грозные пророчества св. архимандрита Макария (Глухарева), предупреждающие о гневе Божиим из-за небрежения о воле Божией в деле перевода. "Помолимся, да не будем наказаны за небрежение о нем", -призывал святитель, вспоминая это пророчество» (15,с.40).

Характеризует свт. Филарета в этом отношении еще и то, что, «когда граф Н.А. Протасов, обер-прокурор Синода с 1836г., решил законодательно утвердить как единственно канонический в Российской Церкви церковнославянский текст Священного Писания, митр. Филарет, увидев тут прямой вред для Церкви, энергично противостоял этому, несмотря на неизбежные репрессии, и внес в Синод записку "О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания"(1845), которая и была принята в руководство, когда был возобновлен перевод Ветхого Завета... »(15,с.41).

Однако такое упорное, если не сказать яростное («Шишков добивался от императора Александра запрещения русских переводов и закрытия самого Библейского Общества» (46,с.165)), противодействие делу русского перевода Библии со стороны некоторых представителей реакционно-настроенных высших церковных и государственных кругов, вероятно, вынудило этого далеко мыслящего святителя быть гораздо более сдержанным и осторожным в своих опытах русских переводов и исправлений богослужебных текстов. Да и сама мысль о какой бы то ни было возможной русификации богослужения тоже по этой причине не могла быть открыто высказана вплоть до конца XIX века.

Та осторожность, с которой святитель все же предпринимал свои собственные опыты перевода богослужебных текстов на русский язык и sprawy богослужебных книг, является, по мнению Б.И. Сове «типичным для отношения высшей церковной иерархии к делу исправления богослужебных книг в середине XIX века». С взглядами великого Московского митрополита, продолжает Сове, «нас знакомит письмо московского протоиерея А.Невоструева от 8 июня 1849 года к брату Капитону Ивановичу.. Митрополит Филарет, "напуганный прицепками бестолковой старины еще при первом издании Катехизиса, а также при издании русского перевода Псалтыри и Нового Завета, стал слишком осторожен или даже робок и начал глядеть сквозь пальцы на все нелепости наших богослужебных книг". Митрополит, проводя охранительно-консервативную церковную политику, весьма неохотно соглашался, что в служебнике встречаются грубые ошибки... и неправильная расстановка знаков препинания.. »(41,с.33).

Далее читаем у Сове: «В 60-х годах некоторые богослужебные тексты переводил московский протоиерей Василий Петрович Нечаев (архиепископ Виссарион), но ему пришлось тоже испытать крайне сдержанное отношение митр. Филарета к этим его трудам.. »(41,с.34).

И все-таки даже такой, по мнению Б.И. Сове, сторонник «охранительно-консервативной церковной политики» как свт. Филарет, считал нужным трудиться и сам трудился над русскими переводами литургических текстов и над исправлением богослужебных книг. Б.И. Сове приводит по этому поводу слова из письма к брату протоиерея А. Невоструева, который отмечал, что «наш премудрый архипастырь

бывает, как говорят светские, непоследователен или неверен сам себе: что себе позволяет, то в других охуждает, критикуя даже собственные мысли, слова и выражения, встречаемые у других. Сие мог бы я подтвердить множеством доказательств» (41,с.35). Сам Б.И. Сове признает, что «при всей своей осторожности в отношении sprawy и изъяснительных переводов богослужебных текстов на русский язык митр. Филарет сам перевел на русский язык акафист Пресвятой Богородице... Митр. Филарету принадлежат и другие опыты, впрочем, неопубликованные, переложений гимнографических текстов на русский язык. Так, например, в бумагах прот. А. Невоструева сохранилось переложение кондака Преображению:

Преобразился днешь Ты на горе, Христе,

И славу там Твои ученики узрели,

Дабы, когда Тебя увидят на Кресте,

Страдание вольное Твое уразумели

И проповедали вселенной до конца,

Что Ты - Сияние Отца»(41,с.35).

Занимался святитель и исправлением наличного церковнославянского текста богослужебных книг. Б. Сове пишет, что «в последние годы своей жизни митр. Филарет, вероятно, смелее стал думать об исправлении богослужебных книг. После его кончины(1867) "у него остались два месяца служебной минеи на греческом языке, взятых у нас для исправления некоторых мест в наших богослужебных книгах", сообщает проф. Казанский своему брату 4 декабря 1867г.»(41,с.34-35). «В службе мне хотелось соединить славянский род речи с ясностью - писал по поводу своих исправлений свт. Филарет своему духовнику, наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву), -Поэтому я иногда переменил порядок слов и некоторые слова употреблял несколько новые, вместо более древних, темных или обоюдных для нашего понятия»(цит. по: 15,с.41).

«Святитель Филарет придерживался этого принципа и в собственном литургическом творчестве, — справедливо замечает В. Котт. — Вот примеры: начало тропаря своему небесному покровителю св. праведному Филарету Милостивому (из написанной им службы, употреблявшейся в Троице-Сергиевой Лавре и в Оптиной пустыни) и начало стихотворного переложения кондака Преображению:

Аврааму в вере подражая,

Иову же в терпении последуя...

и

Преобразился днешь Ты на горе, Христе, И славу там Твои ученики узрели... » (15,с.41.Курсив автора. - Ш.В.).

Если вспомнить еще и молитву, составленную святителем Филаретом, то придется признать, что язык, который использовал святитель в своем литургическом творчестве, скорее русский, чем церковнославянский, или, по меньшей мере, вполне удачное соединение «славянского рода речи с ясностью» (по выражению самого святителя). И это вполне понятно и естественно в контексте того, что свт. Филарет, по словам прот. Г. Флоровского, «всю жизнь боролся за русский язык, - и в Библии, и в богословском преподавании. Он стремился и хотел бы сделать богословие общедоступным. Именно это в

нем представлялось таким страшным и опасным его противником. Именно общедоступности они и не хотели» (46,с.173).

И тем не менее, «после трудов мит. Филарета никто уже не мог и не может принципиально отстаивать позицию невозможности использования русского языка для нужд Церкви,- это касается и языка Св. Писания, и языка богослужения и церковной проповеди, и языка богословия и богословского образования, и языка святоотеческих книг и душеполезной литературы...» (15,с.40).

Вместе с тем, еще до трудов в этой области свт. Филарета, с самого начала XIX века продолжала развиваться традиция русских (и стихотворных в том числе) переводов и переложений тех литургических текстов, которые народ любил более всего. Если, например, во второй половине XVIII века прот. Петр Алексеев делал стихотворные переводы ирмосов и степени некоторых двенадцатых праздников, то в начале XIX века «слепой священник Констатино-Еленинской церкви при градских богадельнях в Санкт-Петербурге Гавриил Пакатский (или Пакостский), близкий к Державину,... перевел стихами всю Псалтырь», а «через десять лет после этого опубликовал в 1829 г. первую богослужебную книгу на русском языке - Великий покаянный канон св. Андрея Критского в стихотворном переводе (всего же за неполный век были изданы, обычно на русском, иногда на "новом" славянском языке, кажется, не менее, чем 15-20 переводов канона)»(15,с.42. Выделено мною. - Ш.В.).

Традиционно считается, что инициатива систематического перевода богослужебных текстов на русский язык в XIX веке принадлежит архиепископу Херсонскому Иннокентию (Борисову) (+1857), считавшему, что неудобовразумительность наших молитвенных текстов «происходит не от самого предмета, а от образа его изложения, т.е. от неточности и устарелости славянского перевода» (см.26,№82.с.2). «Надо сказать, что вторая половина 1820-х годов, когда святитель начинал свое служение, была очень неблагоприятна для переводческой деятельности: именно тогда состоялся известный погром дела церковных переводов (святитель Иннокентий считал его делом "клеветников на это истинно христианское учреждение ... следствием не убеждения, хотя бы и ошибочного, а личностей и интриги"). И тем не менее, в конце 1820-х годов он, в то время архимандрит, инспектор Санкт-Петербургской духовной академии, зная отрицательное отношение властей к церковно-переводческой деятельности, вдохновил преподавателей греческого языка Михаила Богословского и Иоанна Колоколова начать переводы.

В 1830-е годы была опубликована их значительная часть, причем начинали с перевода наиболее неудобопонимаемого - канонов праздничных служб (именно каноны переводил и преп. Паисий за полвека до этого)» (15.С.42).

Чтобы нагляднее представить плоды работы этих двух переводчиков, укажем сделанные ими переводы, опубликованные за 10 лет, с 1831 по 1841гг., в «Христианском чтении» (см.41,с.35-36).

Бакалавр греческого языка Михаил Измайлович Богословский, будущий протопресвитер Успенского Собора в Кремле и член Московской синодальной конторы, опубликовал в 1831 году русские переводы праздничных канонов прп. Косьмы Маюмского на Воздвижение, рождество Христово, Успение и каноны прп. Иоанна Дамаскина на Рождество и на Пятидесятницу; в этом же году в «Христианском чтении» появился перевод канона прп. Иоанна Дамаскина на св. Пасху, выполненный бакалавром греческого языка и патристики, впоследствии настоятелем Исаакиевского Собора в Санкт-Петербурге, Иоанном Дмитриевичем Колоколовым.

В 1832 году в том же журнале были напечатаны переводы М.И.Богословского канонов Косьмы Маюмского и прп. Иоанна Дамаскина на Богоявление; 1833 - его же перевод канона Феофана, митр. Никейского, на Благовещение; в 1834 - канона прп. Косьмы Маюмского в неделю Цветоносия, в 1835 - его же канона в Великий Четверг; в 1836 - трипеснцев утрени Великого Пятка, Великой Субботы и, кроме

того, канона прп. Иоанна Дамаскина на Успение и Великого канона св. Андрея Критского. Наконец, в 1837 году на страницах «Христианского чтения» вышли переводы Богословского канона св. Космы Маюмского на Сретение и антифонов-степенн всех восьми гласов.

В 1841 г. И.Д. Колоколов опубликовал перевод канона на Преображение прп. Иоанна Дамаскина.

Таким образом «труды свт. Иннокентия и его учеников положили начало русской академической традиции перевода литургических текстов на русский язык». «Можно сказать, что с этого времени литургические переводы становятся общецерковным делом - сотни переводчиков вносят свой вклад в нашу традицию...» (15,с.43,42.Выделено мною. - Ш.В.).

Проиллюстрируем это утверждение еще несколькими примерами. В самом конце 1840-х годов священник Смольянинов делал стихотворные переложения богослужебных канонов (4,с.37). В 1855 году в «Прибавлениях к Творениям святых отцев» был напечатан русский перевод свт. Филарета Московского акафиста Божьей Матери. Вот слова самого святителя из предисловия к этому переводу: «Некоторые церковные песнопения, превосходные глубиною и полнотою духовного разума, заключенного в кратких изречениях, по сему самому не для всех удобовразумительны, а также и по древности языка. Посему деланы уже были опыты переложения таковых песнопений на русское наречие... Некоторые изъявляли желание иметь русское переложение акафиста Пресвятой Богородице, как пособие для удобнейшего разумения оногo. Такое переложение здесь предлагается» (33,с.139).

В том же 1855 году увидело свет первое издание «Богослужебных канонов на греческом, славянском и русском языках в 3-х книгах» профессора греческого языка СПбДА Евграфа Ловягина (+1909). Выход в свет этого труда заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее.

Необходимо отметить, что издание этой книги было связано с определенными затруднениями и препятствиями. Оно стало возможным исключительно при поддержке и на средства митрополита Петербургского Никанора (Клементьевского) (ум. 1856) Вот что писал митрополит Никанор святителю Филарету Московскому, посылая последнему переводы Ловягина и защищая дело переводчика: «Многие из просвещенных ревнителей и любителей церковных песнопений ... нередко изъявляли сожаление, что весьма многие не могут понимать в наших богослужебных книгах по древности славянского языка и получать удовлетворительное изъяснение на неудобовразумительные места от своих священников, даже обучавшихся в академиях» (цит. по:41,с.37). Сопутствующие изданию труда Ловягина вышеупомянутые трудности были связаны с крайне - консервативным отношением высшей церковной власти к делу переводов богослужебных текстов на русский язык. Заметим, что до этого русские переводы богослужебных текстов почти не выходили отдельными изданиями. Б.И. Сове описывает эту ситуацию следующим образом: «Это издание было делом необычным, смелым в ту эпоху. Богослужебные книги были связаны, прикреплены к славянскому языку». Дело доходило даже до того, что «в 1843 году Синод не разрешил напечатать службы преп. Арсению Каневскому гражданскими буквами, "так как все службы святым угодникам печатались и печатаются церковными буквами". В 1845 году с трудом был найден для императрицы экземпляр ("последний") литургии напечатанный русскими буквами. Последовательно Петербургский Духовно-цензурный комитет в 1851 году запретил "Переложение канонов в стихи" свщ. Смольянинова»(41,с.36-37). В общем, все строго в духе адмирала Шишкова и обер-прокурора Протасова. Неудивительно, что и Петербургского митрополита Никанора, благодаря которому был напечатан труд Е. Ловягина, «многие консерваторы обвиняли в новаторстве» (41,с.37).

Реальность, однако, была очевидна - экземпляры первого издания «богослужебных канонов на греческом, славянском и русском языках» «быстро разошлись, показав крайнюю потребность в подобного рода книгах и интерес к ним духовенства и ревнителей - мирян. Потребовались еще издание 2-е в 1861 г. ... и издание 3-е в 1875г. Кроме того, были напечатаны отдельно славянский и русский переводы в 1861 г. и один русский текст в том же году»(41,с.36).

«Крайняя потребность в подобного рода книгах», как и в издании русской Библии, ощущалась в середине XIX века, вероятно, подавляющим большинством здравомыслящих иерархов, пастырей, церковных ученых и просто вдумчивых мирян. Не случайно ведь в конце XIX и начале XX вв. русское духовенство указывало на невятность богослужения, проистекающую из непонятности богослужебного языка, как на одну из главных причин ухода людей в секты или в неверие. Элементарная неграмотность простого народа и к тому же довольно распространенное религиозное невежество как причины этого печального явления были, конечно, очевидны. Но было бы заведомо неправильным ограничиться указанием лишь на эту сторону проблемы. О непонимании языка православного богослужения и образованными классами и самим духовенством, да и о действительно серьезных изъянах и «неудобовразумительности» церковнославянского языка с самого начала XIX в. было сказано и написано довольно много. И мы уже привели ряд примеров тому. Но если в первой половине XIX в. в силу «охранительно-консервативного» «церковно-политического курса» (по выражению Б.И.Сове) частные опыты переводов Священных и богослужебных текстов на русский язык и их распространение могли встречать иногда довольно активное противодействие со стороны властей и потому были сопряжены с определенной долей риска, то с 60-х годов XIX века, и особенно после появления русской Библии, о неудовлетворительном состоянии церковнославянского текста богослужебных книг и о необходимости русских переводов заговорили открыто.

«Активная деятельность по переводу Св. Писания на русский язык в 10-20-х годах XIX в. (а затем в 60-70-е годы) немедленно привела к обсуждению проблемы богослужебного языка и к трудам по переводу богослужебных текстов на русский язык»(15,с.41-42). Именно в 60-е годы получает еще большее развитие традиция русских переводов служб важнейших праздников. Так, например, в «Душеполезном чтении» за 1861 г. были опубликованы переводы вышеназванного московского протоиерея Василия Нечаева (впоследствии Костромского архиепископа Виссариона) службы в неделю Ваий и некоторых текстов службы Благовещению. Множество подобных переводов публиковалось в это же время в столичных и провинциальных церковных журналах и отдельными изданиями священниками, ректорами семинарий, гражданскими учителями и т.д.

«Например, в Туле преподаватели семинарии переводили службы двенадцатых праздников и публиковали их в местном епархиальном органе. Ректор семинарии архимандрит Андрей вместе с литургической статьей "Праздник Сретения Господня" дал перевод службы с греческой минеи венецианского издания 1843 г. с Ловягинским русским переводом канона.

Профессор словесности, священник тульской Спасо-Преображенской церкви Михаил Васильевич Покровский перевел службы недели Ваий, на Вознесение, кроме канона, на Пятидесятницу, Рождество Богородицы и Воздвижение.

Учителю гражданской истории Илье Ивановичу Сахарову принадлежит перевод служб на Введение и Рождество Христово.

Священник Александр Иванов, профессор богословия и еврейского языка, написал статью о празднике Благовещения с переводом некоторых текстов.

Учитель гражданской истории, священник Петропавловской церкви Александр Никольский перевел службу на Благовещение...

Переводы служб двенадцатых праздников с греческого на русский язык ректора Подольской семинарии Василия Княженского были напечатаны в "Подольских епархиальных ведомостях"» (41,с.37-38).

Протоиерей Михаил Боголюбский, настоятель московской Зачатьевской церкви, перевел службы Страстной седмицы (1875г.) и Великого поста, а также тропари и кондаки Романа Сладкопевца(41,с.47).

В 1878 г. известный уже нам Евграф Ловягин «вместе с коллегами по академии - специалистом по латинскому языку Никандром Ивановичем Глориантовым и специалистом по христианскому Востоку Иваном Егоровичем Троицким - публикует пятитомное "Собрание древних литургий, восточных и западных, в переводе на русский язык", включающее и все ныне используемые в Православной Церкви литургии (свт. Иоанна Златоуста и Василия Великого, Преждеосвященных Даров, апостола Иакова)» (15,с.43).

А еще через десять лет, в 1888 г., уже другой Ловягин,- Иван Феодорович, преподаватель Тобольской духовной семинарии, выпустил еще одну из немногих, увидевших свет в XIX веке, богослужебных книг на русском языке - Октоих. Полное ее название «Воскресная служба Октоиха всех восьми гласов или напевов на славянском и русском языках, заключающая в себе песнопения малой вечерни, великой вечерни, полуночницы, утрени и литургии». Этот труд, вероятно, тоже был востребован и довольно популярен среди ревнителей литургического благочестия, во всяком случае он выдержал несколько изданий, будучи переизданным последний раз в 1910г.

Из известных святителей XIX века, уделявших немалое внимание интересующей нас теме, кроме, разумеется, такого светила как Филарет Московский, необходимо назвать архиепископа Черниговского Филарета (Гумилевского) (+1866), который «много сделал для укрепления и защиты церковно-переводческой деятельности». «Он и сам переводил на русский язык богослужебные тексты, которые помещал в своих многочисленных книгах (см., например, его "Исторический обзор песнопевцев и песнопений греческой церкви") и статьях, в том числе и в основанном им в бытность ректором МДА журнале "Творения святых отцов в русском переводе"» (15,с.43-44).

Для опытного миссионера, пастыря и переводчика, каким являлся святитель Московский Иннокентий (Вениаминов) (+ 1879), преемник свт. Филарета (Дроздова) на Московской кафедре, «было ясно, что и в России имеется такая же нужда в проповеди веры и в богослужении на родном понятном языке, как и на Аляске»(15,с.44). В 1869 году, свт. Иннокентий, «побуждаемый видением неотложных нужд Церкви, ... учреждает Комитет для исправления текста богослужебных книг "по поводу усмотренных в них грубых опечаток и неудобопонятных речений"» (15,с.44).

О трудах этого Комитета, как и вообще о возобновленной в конце XIX века справе богослужебных книг мы еще скажем несколько слов ниже. Что же касается переводческой деятельности, то следует, наконец, сказать особо и о трудах епископа Екатеринославского Августина (Гуляницкого) (+ 1892).

Владыка Августин трудился над своими переводами богослужебных текстов в 1880-е годы. От иных переводчиков он отличался тем, что делал свои новые переводы с греческого не на русский, а на славянский язык. О себе этот «наиболее плодовитый среди русских архиереев переводчик богослужебных текстов»(15,с.44) писал: «Будучи с молодых лет хорошо ознакомлен с церковными книгами, автор настоящей заметки давно уже начал скорбеть и теперь глубоко скорбит сердцем, когда ему приходится слышать или же и самому читать в церкви такие выражения, в которых никак нельзя открыть не только логического, но и часто и простого грамматического смысла. Не говорю о псалмах, не говорю о паремиях: чтобы тут все было ясно и для слушателя понятно, для этого нужно слишком многое, чего, быть может, еще и не в силах сделать наше церковное правительство - я имею в виду неясные, неточные, безграмотные выражения в наших молитвах, канонах и стихирах разных наименований. Кто, например, сразу откроет подлинный смысл в пресловутой песне: "Любити убо нам, яко безбедное страхом" или в этом загадочном: "Брашен львов, сотранных членовными... имже к нам наслаждается дарований" (ирм. 3-ей песни канона на Богоявление)? Кто сразу поймет, что значит "восшедша слова от Слова научившеся", или: "Сушу глубородительную землю солнце нашествова иногда"? Кто может читать легко и с полным пониманием второй канон на Рождество Христово, на Богоявление, на Пятидесятницу?» (цит. по: 15 ,с .45 -46).

Новые славянские переводы богослужебных канонов еп. Августина печатались в журнале «Душеполезное чтение». В 1882 г. вышли: перевод Великого канона, канона на Пятидесятницу, на Преображение, на Успение, на Рождество Христово, Рождество Богородицы и Воздвижение Креста. В 1883 -переводы канонов на Богоявление, Сретение, Благовещение, неделю Ваий, Страстную седмицу и Пасху. Наконец, в 1884 г. появился канон на Вознесение.

В своей переводческой деятельности еп. Августин руководствовался некоторыми принципами, следовать которым он предлагал будущим справщикам и переводчикам богослужебных книг (см.6, с. 42-43;41,с.39-40). «Если бы все намеченные нами исправления и улучшения сделаны были тщательно и умело, - писал владыка, - тогда... язык славянский перестал бы казаться таким трудным и неудободоступным, каким он теперь представляется многим» (41,с.40). О возможности замены некоторых устаревших и непонятных славянских слов соответствующими русскими и о противниках такой «русификации», бывших и в те времена, епископ Августин писал так: «Знаем, что есть и всегда могут найтись неумеренные ревнители чистоты церковного языка, которые возопиют против введения в богослужебные книги новых русских слов, но таким ревнителям внимать не нужно: они ревнуют не о чистоте, а о темноте церковного языка, быть может, конечно, сами того не сознавая и не желая. Если мы допускаем в своем богослужебном языке даже чисто иностранные слова, ... то не странно ли, в самом деле, что мы боимся ввести в него вновь какое-либо родное слово?... Что же, разве во всех этих новых русских словах заключается что-либо оскорбительное для религиозного или нравственного чувства верующих? И на каком разумном основании стал бы кто-нибудь противиться употреблению этих слов в церковном языке?!» (цит. по: 15.С.46).

Предложенные еп. Августином принципы исправления текстов богослужебных книг Б.И. Сове называет в своей работе «абсолютно бесспорными» и рекомендует «изучить и будущим справщикам, так как проблема исправления богослужебных книг является до сего дня актуальной» (41,с.39,40).

Необходимо сказать, что переводы еп. Августина одобрял его прославленный современник, святитель Феофан Затворник (+1894 г.), сам многие годы переводивший с греческого святоотческую литературу (напр. «Доротолубие») и не понаслышке знавший о неудобовразумительности богослужебного языка. Именно в связи с появлением в «Душеполезном чтении» перевода канонов еп. Августина (Гуляницкого) свт. Феофан в своем письме к полковнику Первухину от 1 октября 1884 г. писал: «Что же касается до лучшего перевода богослужебных книг, то об этом я так думаю: наши богослужебные книги - неоцененное сокровище молитвы, догматствования православного и нравоучения. Потому их надлежит блюсти и соблюдать в том же духе, как есть. Но перевод их следует улучшить - или снова перевести, не на русский, а на славянский же, только чтобы изложение было понятно. В этом роде перевод уже начат в "Душеполезном чтении"... Чтобы из-за этого вышло что раскольническое, нечего бояться. Прошло время» (цит. по: 41,с. 30).

И в другом своем письме: «Опыты перевода уже деланы были. В "Душеполезном чтении" несколько служб так переведенных уже напечатано. И благоговейно и понятно. Так пусть и всю книгу какую-либо переведут.

Передайте, пожалуйста, эти мысли А.Н. и убедите его... Нет, что убеждать? Умолите - непременно сейчас же начать хлопоты... испросить разрешение у Св. Синода... устроить перевод... и отпечатать его...» (23,с.463).

Еще в 1882 году святитель так сокрушался о темноте и трудности для понимания богослужебного текста: «...Ушинский пишет, что в числе побуждений к отпадению в штунду совратившиеся выставляют, между прочим, то, что у нас в церкви ничего не поймешь, что читают и поют. И это не по дурному исполнению, а потому, что само читаемое - темно. Он пишет, что поставлен в тупик, когда ему прочитали какой-то тропарь или стихиру и просили сказать мысль. Ничего не могу сказать: очень темно. Из Питера писали

мне две барыни то же об этом: у Пашкова все понятно, у нас - ничего. Ничего -много, а что много непонятого - справедливо. Предержашей власти следует об этом позаботиться... и уяснить богослужебные книги... оставляя, однако, язык славянский... Книги богослужебные по своему назначению должны быть изменяемы. Наши иерархи не скучают от неясности, потому что не слышат... Заставили бы их прочесть службы, хоть бы на Богоявление»(цит. по: 41,с.30).

Через три месяца свт. Феофан снова возвращается к этой теме в письме тому же адресату: «Богослужебные книги надо вновь перевести, чтобы все было понятно... Кто только станет вчитываться или вслушиваться, непременно кончает вопросом: да что ж это такое?... Архиереи и иереи не все слышат, что читается и поется. Потому не знают, какой мрак в книгах, и это не по чему другому, как по причине отжившего век перевода» (цит. по: 41.С.30).

Торжества в память 900-летия Крещения Руси служили хорошим поводом к новому переводу, по мнению еп. Феофана: «К юбилею приготовить одну какую-нибудь, например, Октоих или Цветник, Минею праздничную или еще что. Ныне - завтра надо же это сделать. Почему не приурочить этого к такому событию?» (цит. по:41, с.31).

Напомним, что именно в год празднования 900-летия крещения Руси (1888) вышел русский перевод Октоиха И.Ф.Ловягина. Возможно, этот частный опыт обновления перевода богослужебных текстов остался незнаком свт. Феофану, а может быть, что можно видеть в выше приведенных цитатах, святитель желал видеть именно новый славянский перевод, а не русский.

Так или иначе, в 1889 г. святитель вновь настойчиво возвращается к тому же вопросу, имея в виду опять явно какие-то общецерковные меры: «Для начала определения переводить богослужебные книги достаточно одного напоминания о необходимости сего, потому что все знают и чувствуют сию необходимость. Не достает толчка» (цит. по: 41,с.31).

Приведем еще одну характерную цитату из писем свт. Феофана Затворника: « Есть вещь крайне нужная. Разумею, новый упрощенный и уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская, и все нравоучение христианское, и все утешения, и все устрашения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений - совсем непонятны. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие чего новый перевод богослужебных книг неотложно необходим. Ныне - завтра, надобно же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от сего происходит. Одна из причин склонивших православных к штунде... есть именно непонятность церковных песнопений» (23,с.462).

Итак, во второй половине XIX века активизировалось обсуждение проблемы церковнославянского богослужебного языка в русском церковном обществе. Дискуссия в печати о богослужебном языке Русской Церкви началась именно с критики труднодоступного пониманию верующих церковнославянского текста наличных богослужебных книг и была связана, как было уже отмечено, с появлением русской Библии. Так, в 1870 году, обращаясь к своим читателям и сотрудникам, редакция «Православного обозрения» писала: «После Библии важнейшим источником религиозного назидания и просвещения для народа было всегда богослужение церковное. Библию в настоящее время народ наш всю почти может иметь в руках на понятном языке... между тем богослужебные молитвы и песнопения остаются известными народу только на славянском языке, в настоящее время уже недостаточно ясным для многих, и в иных местах не довольно вразумительном и правильном по изложению... Народ, по мере духовного развития, будет чувствовать такую же разумную потребность иметь православные службы

церковные в русском переводе, как и самую Библию. Потребность эта в настоящее время уже начинает в значительной мере чувствоваться...»(9,с.201).

Далее указывается на беспрепятственное распространение гимнов и молитв иноверцев на русском языке и приводится пример переводов православных богослужебных книг «на языки различных инородческих племен, живущих в пределах России, и на языки западных христианских народов». Однако редакция делает оговорку: «Мы не говорим о замене славянских богослужебных книг русскими в самом употреблении церковном. Это предмет весьма важный, требующий обсуждения с различных сторон; о нем в настоящее время начинать речь было бы по крайней мере не своевременно. Но в настоящее время об этом предмете и не может быть речи потому уже, что у нас нет готовых богослужебных книг в русском переводе даже и для домашнего употребления. В настоящее время речь должна идти именно о переводах богослужебных книг на русский язык для домашнего употребления, в целях лучшего уразумения церковной службы, совершаемой на славянском языке» (9,с.202).

В это же время описываемая нами проблема начинает активно обсуждаться и в церковных собраниях. В том же 1870 году, например, в Обществе любителей духовного просвещения вышеупомянутый нами переводчик гимнографических текстов на русский язык протоиерей М. Боголюбский (см.с.23) представил свой доклад «Несколько замечаний о славянском тексте Псалтири», который произвел большое впечатление на собрание (41,с.46). В заседании этого же Общества в 1875 году обсуждалась статья Лукьянова «О невразумительности для народа славянского церковно-богослужебного языка и о мерах к устранению оной» (41,с.46).

О степени же «невразумительности славянского богослужебного языка» уже в то время можно судить по пространной статье И. Павловского, - знатока быта русского духовенства, выпускника Полтавской Духовной Семинарии, -размещенной в нескольких номерах столичного «Церковно-общественного вестника» за 1879 год (26).

Мы позволим себе обильно процитировать эту статью, так как автор ее, на наш взгляд, вполне объективно отразил характерную для той эпохи озабоченность церковного общества состоянием языка богослужебных текстов и неудовлетворительным его пониманием современниками.

«Церковнославянский язык, как наука и как добытое практикой толковое разумение текста библейских и богослужебных книг, не пользуется на Руси вполне удовлетворительным состоянием» - пишет автор этой статьи (26). «Дети духовенства, экзаменующиеся для поступления в низшие духовные училища... читают по-русски и по-славянски очень нетвердо и понимают читаемое крайне неудовлетворительно... Семинарские воспитанники едва плетутся по церковной книге... Отсутствие разумения церковной грамоты в учебных заведениях сказывается впоследствии в богослужебной практике священнослужителей, служащих при столичных даже храмах.. Что сказать о таких священниках, которые затрудняются переложить по-русски простую и в то же время вполне правильную славянскую речь, не говоря уже о том, что к неисправным местам славянского богослужебного текста для них подходить - значит вязнуть в пучине недоразумений... »

Далее Павловский цитирует известного в то время духовного публициста И.С. Беллюстина: «никакой миссионер, при существующем положении пастырской среды,... не научит, если бы и хотел, то не сможет научить пониманию богослужебного языка. А что не научит, то, как бы ни ораторствовало против этого изолгавшееся фарисейство, в правде этого нет возможности сомневаться... Один из тех ревнителей благочестия, в искренности и разумении дела которых сомневаться невозможно, провел несколько лет в самых близких и непосредственных сношениях с монашествующими саровской пустыни и пришел к тому убеждению, что наибольшее большинство из них положительно не разумеют не только смысла, но и языка церковных песнопений, даже псалмов, непрестанно повторяемых за всеми богослужениями... Дело

совсем, казалось бы, невероятное, чтобы не разумели церковных песнопений те, с языка которых... не сходят они, а между тем буквально верное».

«Ежели церковное языковедение не может похвалиться удовлетворительностью в среде клира, самая профессия которого ставит ему обязанность владеть славянским языком как живым, разговорным, - продолжает Павловский, - то само собой явствует, что положение церковного языка в обществе вообще, в среде светских людей и в так называемой непросвещенной массе, еще менее состоятельно, чем между духовенством... Наш простой народ... мало, поразительно мало понимает... в богослужебном языке...».

Кажется, вполне достаточно процитированного, чтобы составить представление о том, насколько остро стояла в XIX веке проблема труднодоступное™ церковнославянского языка для понимания представителями практически всех слоев населения, всех сословий. И эта проблема, как мы видим, ясно осознавалась Церковью в лице ее иерархов, заботливых пастырей и усердных ревнителей - мирян. Только что процитированный автор в заключение своих неутешительных наблюдений задается вопросом: «При недостаточном знакомстве православных русских людей со своим богослужебным языком... общественное богослужение выполняет ли свое назначение, как нравственный воспитатель, как назидательно влияющий фактор?» И сам же отвечает: «Едва ли полное назидание достижимо там, где большая часть слов скользит мимо слуха большинства, в виде безраздельных звуков, где даже при внятно-вразумительном чтении попадаетея немало слов и выражений, недоступных разумению».

Важнейших причин этого печального явления автор статьи видит по меньшей мере четыре.

1. В первую очередь он называет «недостаточное изучение славянского языка», т.е. неудовлетворительное как изучение, так и преподавание его практически во всех учебных заведениях России. «В духовно-учебных заведениях... язык этот или отсутствует вовсе, или изучение его ограничивается узко-элементарными грамматическими сведениями... В духовных училищах славянскому языку уделяется сравнительно незначительное время, так что воспитанники не особенно близко знакомятся с этим учебным предметом... В духовных семинариях славянский язык не изучается вовсе, не входя в круг преподаваемых там наук... Малоразвитость славянского языковедения сказывается слишком живо и отрицательно в служебной практике нашего духовенства и монашествующего и белого... В низших и средних светских учебных заведениях изучение славянского языка не доводит до понимания смысла каждодневных домашних молитв. Студенты университетские, дозволявшие себе ... ратовать против чтения славянских книг в школах, конечно, мало сами смыслили по-славянски... Церковное языкознание, мало развитое в мужском образованном классе, находится еще в большем загоне в среде культурных женщин... Народная школа пока не особенно много дает сведений в церковном языке молодому крестьянскому поколению».

2. В отношении «простого народа» публицист справедливо указывает на то, что здесь бедственное явление непонимания церковнославянского языка «стоит в связи с общею религиозною косностью, которая является уделом массы неграмотного люда. В простонародьи перевираются ужасным образом самые общеупотребительные церковнославянские молитвы, самые простые слова их видоизменяются в нечто неподобное, крайне уродливое».

3. Еще одну причину неразумения церковнославянского языка, теперь уже так называемым «образованным классом», в котором даже и Библия-то «читается редко и лениво», среди представителей которого «много и вовсе не знакомых с книгами Св. Писания», автор статьи усматривает в том, что в этой среде «в настоящее время уразуметь церковный язык считается делом несвоевременным и излишним», т.е. в расцерковлении интеллигенции конца XIX века.

4. Но главная, наконец, причина кроется в другом. «Можно бы полагать, - пишет Павловский, - что здесь исключительно влияет безучастное отношение общества к изучению богослужебного языка. Но не в том

краеугольная причина прискорбного явления. Глубже она кроется. Самый язык богослужебных книг, — свидетельствует нам из XIX века автор, — представляет немало таких своеобразных особенностей, для уразумения которых далеко еще недостаточно быть специалистом славянского языка, недостаточно знать самым точным и основательным образом все Св. Писание и особенно ветхозаветные книги. В богослужебных книгах находится весьма много таких мест, которые никак и никому не понять без сличения с подлинным текстом... Открывается, что во многих и многих местах богослужебных книг находятся нежелательные лексические явления, - темнота, прикровенность смысла, а инде и совершенная непостижимость его... Невыполнение общественным богослужением своей задачи во всей ее целостности зависит главною своею стороною от неудобовразумительного изложения богослужебных книг...» (26.Выделено мною.- Ш.В.).

В качестве выхода из положения И. Павловский естественно называет, уже неоднократно до него предлагаемое исправление текста богослужебных книг: «В виду восстановления значения общественного богослужения, является делом неотложной важности исправление богослужебных книг, замена в них всего неясного и неправильного удобопонятным и верным... Потребность исправления текста славянской Библии и богослужебных книг была заявлена неоднократно наряду с желанием иметь богослужебные книги в русском переводе»(26).

Снова встречаемся мы здесь и с уже знакомой оговоркой: «богослужебный язык должен остаться славянским же; он получил у нас значение языка священного и в известном отношении незаменимого».

Повторяет автор и укор в нерадении об исправности богослужебных текстов, как причине отпадения православных в рационалистические секты: «не без основания находят, что пока теперешние неисправности богослужебных книг будут оставаться в неприкосновенности, до тех пор темные массы будут тяготеть к сумбурным, но легко доступным для их понимания сектантским песнопениям... Можно думать, что неуспех противораскольничьей миссии обуславливается между прочим плохим знанием со стороны священников-миссионеров библейского и богослужебного текста, а это обстоятельство в свою очередь зависит от невразумительности языка сказанного текста».

Особенно интересно и достойно внимания мнение автора статьи о том, что для решения описанной проблемы совсем недостаточно русских переводов богослужебных текстов, издаваемых для частного, домашнего употребления: «Остановиваясь на появляющихся... переводах на русский язык частей общественного и частного богослужения... нужно заметить, что эти.. .труды не могут заменять собой желаемой выправки славянского богослужебного текста. Знакомство с ... переводами не ведет к разумению славянского текста, при существующей в последнем лексической сумятице... Прочитав, напр., известный канон по книге проф. Ловягина два-три раза и слушая в тот же день тот же канон, читаемый в церкви, вы все-таки мало что поймете из последнего чтения... В русском переводе Псалтирь имеется уже более полувека... и что же? - далеко ли подвинулось вперед понимание этой книги? Что происходит в храмах, когда там производится чтение кафизм? Некоторая часть присутствующих вовсе удаляется на то время из церкви, большинство же, особенно простонародье, молится в разбивку, разными молитвами, какие кто понимает. - Ведется речь к тому, что пособить обществу в деле разумения богослужебного языка могут не русские переводы церковных книг, назначаемые для домашнего религиозного обихода, а... только исправление существующего текста церковных книг»(26).

В общем-то, взгляды автора этой обстоятельной статьи на проблему богослужебного языка как актуальнейшую для своего времени необходимо признать типичными для всего XIX века. А как раз во второй половине его (в 70-80-е годы) в общецерковном сознании уже созрела и утвердилась мысль о необходимости вынесения этой проблемы на соборное обсуждение: «На всероссийском соборе архипастырей и учителей церковных лежит обязанность обновить и оживить язык Божия Слова и богослужения церковного с неприкосновенным сохранением от веков присущего ему священнолепного величия и силы, но обновить и оживить до такой степени, чтобы он мог стать живым (хотя и не

разговорным) языком всего церковного русского народа» (напечатано в издававшейся И.С. Аксаковым газете Русь, 1882г.,47).

Как один из возможных способов разрешения проблемы и противодействия сектантству тогда же предлагалось «средство, быть может, по мнению некоторых, слишком радикальное, но которое, тем не менее, было бы не бесполезно испробовать на опыте» - совершение богослужения на русском языке (7,с.834). Анонимный автор статьи «Богослужение на русском языке, как средство противодействия сектантству» в издаваемом при СПбДА «Церковном вестнике» — за 1887 г. писал: «никто не будет оспаривать малодоступности церковнославянского языка для понимания даже несколько образованной части нашего общества, не говоря уже о простом народе, относительно которого можно сказать, что до какого бы совершенства мы ни довели церковноприходские школы, никогда мы не в состоянии будем ознакомить простой народ с церковнославянским языком настолько, чтобы в богослужении не оставалось ничего для него непонятного... Наш святой долг, поэтому, сделать все для того, чтобы свет православия сиял во всей силе своего неземного величия. У нас переведено Св. Писание, богослужебные каноны и некоторые молитвы на русский язык. Теперь время идти далее и перевести на живой язык все богослужение»(7,с.834). Вводить богослужение на русском языке, как предлагал автор, «отнюдь не следует..."по указу" и повсеместно. Нет, несравненно будет целесообразнее только по местам, в виде опыта, позволить отправлять богослужение на русском языке. Ни для кого не должно быть обязательным присутствовать именно при этом богослужении. Кому не желательно, кого смущает совесть, тот пусть идет в церковь, где богослужение отправляется на славянском языке. Но найдутся, без сомнения, и такие, которые без смущения пойдут к русской службе» (7, с. 834. Курсив автора. - Ш.В.).

Однако, разумеется, явились и несогласные с высказанным предложением. В 1888 году в том же «Церковном вестнике» была помещена краткая заметка протоиерея Григория Покровского «Православное богослужение на русском языке желательно ли?»(29). Отец протоиерей считал, что и русский литературный язык «для простонародья едва ли менее затруднителен, чем церковнославянский; даже большая часть нашей интеллигенции не только низшего, но среднего и высшего образования не обойдется без комментариев в большей части случаев», и что в случае введения русского языка в богослужение «этому новому языку неминуемо пришлось бы заново учить громадное число богомольцев, и при этом бороться с трудностями едва ли везде и всегда одолимыми до такой степени, чтобы все разумно могли участвовать в совершаемых на нем службах». К тому же о. Покровский высказал опасения относительно возможного раскола в связи с введением в богослужение русского языка. В свою очередь он предложил «обновление богослужебного языка», для чего «следует тщательно пересмотреть старый славянский» язык (29).

Попытка более подробной критики предложения служить на русском языке была предпринята, например, в издаваемом при Харьковской Духовной Семинарии журнале «Вера и разум» (43). Автор статьи - некий Алексей Струнников, - прежде всего, выразил свое согласие с принципиальной возможностью совершения богослужения на русском языке: «если требовалось дать лишь принципиальное решение вопроса, то об этом не стоило заводить речь: что наша Церковь не признает никакого официально-церковного языка, -это общеизвестная истина, это существующая действительность. В частности против употребления в богослужении русского языка - если вести речь принципиально - нам кажется даже странно возбуждать вопрос» (43,с.289). Однако «принимая во внимание все условия живой действительности», автор пришел к выводу, что «переложение славянских богослужебных книг на русский язык принесет более вреда, чем пользы православной Церкви» (43,с.300).

С одной стороны, Струнников указывает на неудовлетворительное знакомство народа с литературным русским языком как на условие, неблагоприятствующее введению его в богослужение: «кто не знает, что наш литературный язык, не говоря о малороссе, даже деревенскому крестьянину Новгородской, Костромской, Владимирской губерний немного понятнее, чем церковнославянский» (43,с.293). Дело усугубляет так же наличие довольно ярко выраженных в то время местных диалектных особенностей,

которые тоже никак не будут способствовать лучшему пониманию единого богослужебного русского языка.

С другой стороны, автор предупреждает и об опасности «усилиями дать большую логическую и грамматическую понятность молитвам и песнопениям лишить их почти всякого действия на чувство..»(43,с.297).

Вообще, автору этой критики, судя по всему, в возможном введении русского языка в богослужение в большей степени видятся опасности и злоупотребления, чем положительный эффект. Так, автор считает не лишенным оснований «мнение, видящее одну из причин развития сектантства именно в общедоступности русского перевода Библии» (43,с.299). «Подобная же опасность, - по мнению А. Струнникова,- предстоит и при переводе богослужения: иные, например, выражения... могут дать пищу грубому кощунству; иное может дать большую силу самонадеянности тому, кто захочет судить и рядить вкривь и вкось о нашем богослужении» (43,с.299-300).

Подробный разбор и анализ, а так же критика самих аргументов (важнейшие из них мы уже назвали) как противников, так и сторонников использования русского языка в богослужении и вообще какого бы ни было обновления литургического языка не входит в задачи данной работы. Мы считаем себя обязанными в данном случае только показать, что дискуссия о богослужебном языке открыто велась уже в XIX веке. Велась в печати, в церковных собраниях и велась, по нашему мнению, достаточно серьезно и корректно. Насколько это было возможным для нас, мы это и показали. Теперь постараемся подвести некоторые итоги развития дискуссии о богослужебном языке Русской Церкви в XIX веке.

- На протяжении практически всего XIX века и, разумеется, к концу его состояние церковнославянского текста священных и богослужебных книг признавалось неудовлетворительным почти всем русским церковным обществом. Традиционными были в XIX веке для Церкви ощущение особой актуальности этой проблемы и, в некоторой степени, ее заботы о приближении библейских и литургических текстов к пониманию верующих. В этой области предпринимались как некоторые общецерковные усилия (перевод Библии на русский язык, возобновление богослужебной справы), так и неоднократные опыты отдельных лиц (частные переводы на русский язык отдельных библейских книг, попытки исправлений существующего церковнославянского текста, новые славянские и многочисленные русские переводы богослужебных текстов).
- Необходимость работы, как минимум, по исправлению очевидных ошибок и наиболее непонятных мест существующего богослужебного церковнославянского текста была к концу XIX века практически общепризнанной.
- Предлагалось и создание нового славянского перевода. «Упрощенного и уясненного» (как писал еп. Феофан Затворник) или выполненного на такой славянский, который был бы максимально приближен в своем синтаксисе к русскому, с заменой устаревших и непонятных церковнославянских слов русскими (еп. Августин Гуляницкий). Позже в подобных предложениях такой славянский язык стали называть еще «новославянским». Иными словами, предлагалась, условно говоря, некоторая степень русификации богослужебного церковнославянского языка.
- Довольно распространено было желание иметь русские переводы богослужебных книг для домашнего, частного употребления. Традиция русских переводов литургических текстов, как мы видели, получила широкое распространение в XIX веке. Однако собственно богослужебных книг на русском языке было издано в XIX веке совсем немного. К тому же некоторые справедливо указывали, что внебогослужебное использование русских переводов не снимает необходимость правки книг, употребляемых именно в богослужении.

• Наконец, предлагалось в конце XIX века и совершение богослужения на русском языке. В пользу этого предложения, помимо труднодоступное™ пониманию церковнославянского языка, говорило то, что в русскоязычном богослужении некоторые видели средство противодействия распространению сектантства.

Исправление богослужебных книг в XIX веке И в заключение этой главы скажем несколько слов о возобновлении в конце XIX в. дела исправления богослужебных книг. Что касается трудов отдельных лиц в этой области, то в первую очередь необходимо назвать имя Александра Иоанновича Невоструева (+1872), протоиерея Московского Казанского Собора, который «в течение двадцати пяти лет один без помощников и сотрудников с исключительной ревностью» занимался сличением с греческими всех славянских богослужебных книг и классификацией неудачных переводов и ошибок в славянском тексте, выявленных при этом. Им была проделана колоссальная работа, остался огромный архив. В наших богослужебных книгах этот неутомимый труженик обнаружил многочисленные «грехи не только против грамматики, филологии, но и против истории, экзегетики, догматики...» (41, с.40-41). Свои рукописи Невоструев не публиковал и его труды, к сожалению, остались невостребованными.

В конце века сличал славянский текст служебника с греческим прот. Тарасий Феодорович Серединский (+1897). Плодом этой работы стала брошюра «Замечания на чин и текст Божественных литургий св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого и Преждеосвященных Даров».

Занимался исправлением текста богослужебных книг видный церковный деятель Николай Ильминский (+1891). Интересно, что в своей работе он «вместо приближения славянского языка к современной русской речи» наоборот «следовал законам старой славянской грамматики», восстанавливая древнейшие грамматические формы, восходящие ко временам свв. Кирилла и Мефодия (за это Ильминского порицал в своей рецензии еп. Августин Гуляницкий, настаивавший на «поновлении» языка богослужебных книг). Ильминский издал исправленные таким образом «Учебный октоих» и «Учебный часослов» (41, с.50).

Наконец, и со стороны высшей церковной власти были предприняты некоторые практические попытки приблизиться к разрешению этой общецерковной проблемы. Как было сказано выше (см.с.24) в 1869 году митр. Московский Иннокентий образовал в Москве Комитет для исправления текста богослужебных книг. Комитет занимался исправлением Требника и Служебника. Труды этого комитета были переданы Синодом для рассмотрения особой Комиссии, учрежденной в 1881 году в Петербурге под председательством архиеп. Кишиневского Сергия (Ляпидевского). До прекращения работы комиссии в 1885 г. ею были просмотрены тексты Четвероевангелия, Служебника и половины Требника, уже рассмотренные московским Комитетом. Плоды деятельности Комиссии были, видимо, незначительны. Она работала очень осторожно, но несмотря на это «уже самое ее существование встретило тревогу, оппозицию и крайнюю настороженность среди иерархов и консервативной части верующих» (41, с.48). В конце концов Комиссия, вероятно, удовлетворилась, как пишет Б.И.Сове, «сравнительно незначительными поправками», которые также, в свою очередь, «с некоторыми изменениями» были приняты Синодом в 1887 году. «Исправленный Служебник собирались печатать, но был ли он напечатан - сказать трудно» (41, с.48). Дело церковной книжной sprawy, возобновленное в 1869 году, таким образом, к сожалению, заглохло не дав сколько-нибудь ощутимых результатов.

Вот как описывает положение в этой области по состоянию на конец XIX-го века прот. Николай Балашов: «Предпринимались и практические шаги к исправлению книг со стороны Высшей церковной власти - но столь вяло и нерешительно (ввиду настороженного отношения консервативной части иерархии и верующих), что многолетняя деятельность Комитета, учрежденного в Москве святителем Иннокентием в 1869 году, а потом Особой комиссии в Санкт-Петербурге (1881-1885) не увенчалась заметными результатами. Продолжительные труды частных лиц по выявлению мест, нуждающихся в исправлении (о.А. Невоструева) или по созданию новых церковнославянских переводов (епископ Августин) не

получили никакого официального церковного отклика и потому фактически были похоронены» (4,с. 182-183).

В конце всего сказанного остается только привести слова профессора нашей Академии М.Д. Муретова, который с горечью отмечал: «Обида чувствуется за академическую науку при мысли, что еще в 70-80-х годах прошлого столетия(Х1Х-го.- Ш.В.) дело (исправления) могло быть сделано уже и притом не какими-нибудь случайными и к науке мало прикосновенными людьми, а лицами с высоким научным цензом и специалистами по библейскому, отеческому и богослужебному языку» (цит. по:41,с.47).

© Все права защищены <http://www.portal-slovo.ru>